

DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.12

УДК 314.7.742 | ББК 60.7235

© Короленко А.В.

ВАХТОВЫЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОТХОДНИЧЕСТВА: МАСШТАБЫ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА КОРОЛЕНКО

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: coretra@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-7699-0181](https://orcid.org/0000-0002-7699-0181); ResearcherID: [I-8201-2016](https://orcid.org/I-8201-2016)

В последние десятилетия широкое распространение получила вахтовая трудовая миграция – форма временных возвратных краткосрочных и регулярных трудовых миграций (нового отходничества). Цель исследования заключалась в оценке ее масштабов и региональной дифференциации в России, а также в систематизации представлений о ее причинах и последствиях. Информационную базу составили итоги Всероссийской переписи населения – 2020 и научные публикации по данной проблематике. Установлено, что 2% занятого населения России (22% работающих за пределами населенного пункта) являются вахтовыми трудовыми мигрантами. Среди них значительно больше мужчин, сельских жителей и выезжающих в другие регионы. Наибольшую долю вахтовиков имеют субъекты с разным уровнем социально-экономического развития: среднеразвитые промышленные (Республика Мордовия, Волгоградская, Омская области), более аграрные (Саратовская область), слабоосвоенные (Чукотский автономный округ, Магаданская область), слабоосвоенные и слаборазвитые (Республика Калмыкия), богатые нефтегазодобывающие (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа), относительно развитые и опережающие по доходу (Республика Башкортостан). Самый низкий показатель характерен для регионов – центров притяжения мигрантов (Москва, Московская, Ленинградская и Калининградская области), а также для республик Северного Кавказа и Юга России. Наиболее значимыми причинами вовлеченности в вахтовую миграцию выступают объективные выталкивающие факторы (низкий уровень зарплаты и недостаток рабочих мест в месте проживания). Положительные социально-экономические эффекты вахтовой миграции на мезо- и макроуровне заключаются в перераспределении ресурсов между регионами, снижении расходов на создание и содержание

Для цитирования: Короленко А.В. (2023). Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 191–212. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.12

For citation: Korolenko A.V. (2023). long-distance commuting as a kind of otkhodnichestvo: Scale, causes and effects. *Problems of Territory's Development*, 27 (6), 191–212. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.12

населенных пунктов, повышении уровня жизни населения, сокращении социальной напряженности, развитии системы здравоохранения, на микроуровне – в адаптации предприятий к условиям изменения спроса, эффективной организации их деятельности, улучшении материальных и жилищных условий вахтовиков и их семей. Отрицательные последствия проявляются преимущественно на микроуровне – в социально-психологическом влиянии на вахтового работника (девиантное поведение, ухудшение здоровья) и его семью (проблемы в семейных отношениях, ведении хозяйственно-бытовых, общественных дел, воспитании детей).

Отходничество, вахтовые трудовые миграции, масштабы, региональная дифференциация, причины, последствия.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Причины и социально-демографические последствия отходничества в контексте регулирования миграционных процессов в современной России» (проект № 23-28-01395).

Введение

Одним из отличительных признаков урбанизации в России выступает массовый отход населения¹, выражающийся в возвратных регулярных трудовых миграциях с разным ритмом перемещений. Н.Г. Нефедова среди главных предпосылок развития этого явления называет, с одной стороны, сокращение трудовых ресурсов вследствие депопуляции и оттока населения из малых городов и сельской местности, с другой стороны, переход от трудодефицитной модели к трудоизбыточной, что обусловлено как кризисом советских промышленных и сельскохозяйственных предприятий, так и модернизацией и созданием новых. В результате традиционная для регионов занятость резко сокращается, высвобождая большое количество трудовых ресурсов, которые все чаще начинают прибегать к формам временной занятости на территории других населенных пунктов и регионов². Наряду с маятниковыми перемещениями, развитие которых связывают с автомобилизацией и улучшением внутри- и межрегиональных пассажирских перевозок, получила широкое распространение вахтовая трудовая миграция (Лексин, 2021). Несмотря на это, до сих пор отсутствуют точные статистические данные о количестве вахтовых трудовых мигрантов, не сформировалось единого подхода к оценке

масштабов этого явления, что актуализирует исследования данной проблематики.

Последствия применения вахтового труда и соответствующих пространственных перемещений населения активно обсуждаются в рамках медицины, психологии, социологии, экономики и других дисциплин. Разнятся и подходы к их трактовке и оценке. Так, Е.А. Бажутова условно выделяет три точки зрения на роль вахтовой трудовой миграции в территориальном развитии: поддерживающую (признается экономически более эффективным способом развития региона, чем создание новых постоянных населенных пунктов), отрицающую (неприемлема для развития региона в силу большого количества рисков и негативных последствий) и комбинирующую (подразумевает оптимальную модель ее использования в сложных природно-климатических условиях и при отдаленности мест приложения труда, учитывает ее достоинства и недостатки) (Бажутова, 2022). Однако последствия вахтовой миграции сложны и многогранны, а потому не ограничиваются лишь территориальным развитием; проявляются на самых разных уровнях (вахтовых работников и их семей, предприятий, общества и его институтов, окружающей среды и государства в целом), имеют разную направленность (позитивную и негативную) и разный

¹ Нефедова Т.Г. (2015). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. № 641–642. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php> (дата обращения 07.07.2023).

² Там же.

характер (социальные, экономические, экологические, демографические, психологические и пр.). Для грамотного управления данным видом перемещений большое значение приобретает понимание его причин и влияния на разные сферы жизни общества.

Цель данного исследования заключалась в оценке масштабов вахтовой трудовой миграции в России, ее региональной дифференциации, а также в систематизации представлений о ее причинах и последствиях.

Теоретические аспекты исследования

В научной среде до сих пор не сформировалось единого мнения по отношению к месту вахтовой трудовой миграции в системе других видов миграционных перемещений. Все исследователи признают ее временный, возвратный и регулярный (но не ежедневный) характер, однако разнятся подходы к ее соотношению с другими видами временной возвратной трудовой миграции, а также с явлением отходничества (табл. 1).

В зарубежных исследованиях (Hoath, Haslam McKenzie, 2013; Jones, Southcott, 2015; Haslam McKenzie, 2016a; Haslam McKenzie, 2016b) вахтовые трудовые миграции чаще всего рассматриваются как маятниковые миграции на дальние расстояния (long-distance commuting). Для вахтовой миграции в горно- и нефтеперерабатывающей промышленности в зависимости от режима перемещений к месту работы и обратно используются термины FIFO (fly-in/fly-out) – авиаперелеты, DIDO (drive-in/drive-out) – автомобильные поездки, BIVO (bus-in/bus-out) – поездки на общественном транспорте (автобусе).

Что касается взглядов на направления перемещений вахтовых мигрантов, то одни исследователи рассматривают вахтовую трудовую миграцию исключительно как внутристрановые поездки (Е.А. Бажутова), другие же в ее рамках учитывают как внешнюю (международную), так и внутреннюю (межрегиональную и/или внутрирегиональную) миграцию (С.В. Рязанцев, Г.Ф. Ахметова).

В отечественных исследованиях нередко вахтовые миграции связывают с явлением

отходничества. Ю.М. Плюснин с коллегами считают отходничество самостоятельной формой трудовой миграции и называют следующие его признаки: участие в нем преимущественно жителей малых городов и сел; значительная удаленность работы от места проживания; сезонный характер (не работы, а домашних дел); инициативность и самостоятельность отходников в поисках работы; мотивация материального благополучия; нежелание менять место постоянного жительства (Плуснин и др., 2013). Однако, как отмечают авторы, в современном отходничестве наблюдается диверсификация: помимо настоящих отходников выделяются другие, сохраняющие с ними лишь несколько общих признаков: самостоятельный и инициативный поиск работы, возвратный характер, отсутствие намерений к переезду и мотивированность обеспечения высокого уровня жизни семьи. К ним относятся вахтовые трудовые мигранты (Плуснин и др., 2013). Данный подход рассматривает современное отходничество как форму внутренней временной трудовой миграции, т. е. не учитывает международные перемещения (Жидкевич, 2017). М.С. Туракаев и Г.Р. Баймурзина вахтовую трудовую миграцию и отходничество считают отдельными видами временной трудовой миграции: первый причисляют к регулярным перемещениям по графику (не привязанным к сезонности работы и домашних дел), тогда как второй – к нерегулярным (Туракаев, Баймурзина, 2022). В.Н. Лексин пишет, что вахтовая миграция имеет с отходничеством общее происхождение, но отличается по мотивам и форме в зависимости от местных условий (Лексин, 2021). О.Н. Калачикова и А.А. Соколова относят ее к одной из форм нового отходничества – возвратной краткосрочной (на срок менее 12 месяцев) регулярной трудовой миграции (Соколова, Калачикова, 2023).

В отношении длительности отъезда вахтовых мигрантов и его частоты также не сформировалось единой позиции. С.В. Рязанцев продолжительность вахтовой миграции ограничивает тремя месяцами (в соответствии

Таблица 1. Подходы к определению вахтовой трудовой миграции и ее соотношению с отходничеством

Определение	Соотношение с отходничеством	Авторы
Маятниковая миграция на дальние расстояния (long-distance commuting), предполагающая временное пребывание мигранта в другом населенном пункте, регионе или стране с регулярным возвращением домой	Не обозначено	A. Hoath, F.M. Haslam McKenzie, C. Jones, C. Southcott
Поездки на длительный период времени на расстояние, не позволяющее работнику вернуться домой после рабочей смены – FIFO (fly-in/fly-out), DIDO (drive-in/drive-out), BIBO (bus-in/bus-out)	Не обозначено	K. Storey, F.M. Haslam McKenzie
Временные краткосрочные (до трех месяцев) регулярные миграции, обусловленные невозможностью длительной работы и пребывания человека в районах с экстремальным климатом или тяжелыми условиями труда, использующие режим с постоянным чередованием работы в течение нескольких недель и отдыха с пребыванием в другом регионе в течение определенного времени. Выделяется вахтовая эмиграция – выезд на работу за границей в некоторые отрасли (добывающие, транспортные и пр.) с регулярным возвращением к месту постоянного жительства	Не обозначено	С.В. Рязанцев
Является разновидностью современного отходничества, отличается самостоятельным и инициативным поиском работы, возвратным характером перемещений, отсутствием намерений к переезду и мотивированностью обеспечения высокого уровня жизни семьи	Разновидность современного отходничества	Ю.М. Плюсин и др.
Выезд на новое место работы на продолжительный срок в связи с нерациональностью ежедневного возвращения в место постоянного жительства	Имеют общее происхождение, но отличаются по мотивам и форме	В.Н. Лексин
Вид регулярной временной трудовой миграции, подразумевающий возвращение домой через равные промежутки времени (чередование вахты и межвахтового отдыха)	Отдельный вид временной трудовой миграции, как и отходничество. Отличается регулярностью возвращения домой	М.С. Туракаев, Г.Р. Баймурзина
Трудовая миграция независимо от ее направлений, выполняемых работ, географии и природно-климатических условий, в которых она осуществляется, при условии регулярности (не чаще 1 раза в неделю) и длительности выездов (от 1 недели до нескольких месяцев)	Не обозначено	Г.Ф. Ахметова
Вид временной (возвратной) краткосрочной (не может превышать 1 месяц) трудовой миграции на труднодоступные территории	Не обозначено	М.С. Чушкина
Форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания, когда не может быть обеспечено ежедневное возвращение к месту постоянного проживания. Включает внутрирегиональные и межрегиональные перемещения	Не обозначено	Е.А. Бажутова
Возвратная краткосрочная (на срок менее 12 месяцев) регулярная трудовая миграция	Входит в состав нового отходничества (возвратной краткосрочной трудовой миграции)	О.Н. Калачикова, А.А. Соколова

Составлено по: (Плюсин и др., 2013; Рязанцев, 2014; Туракаев, 2016; Чушкина, 2020; Ахметова, 2021; Лексин, 2021; Туракаев, Баймурзина, 2022; Бажутова, 2022; Соколова, Калачикова, 2023; Соколова, 2023; Storey, 2010; Hoath, Haslam McKenzie, 2013; Jones, Southcott, 2015; Haslam McKenzie, 2016a; Haslam McKenzie, 2016b).

с требованиями к ее максимальной длительности Трудового кодекса РФ), Г.Ф. Ахметова обозначает ее рамки – от одной недели до нескольких месяцев, а М.С. Чушкина определяет ее в пределах не более одного месяца. Одни исследователи не ограничивают частоту выезда вахтовых мигрантов или же определяют ее не строго, например, как чередование равных промежутков межвахтового отдыха и вахты (М.С. Туракаев), другие же, напротив, строго фиксируют регулярность такого рода перемещений, например, не чаще одного раза в неделю (Г.Ф. Ахметова).

В данном исследовании будем придерживаться подхода О.Н. Калачиковой и А.А. Соколовой, согласно которому вахтовая трудовая миграция наряду с маятниковой, сезонной и челночной миграцией является разновидностью нового отходничества. Регулярность в данном случае обеспечивается трудовым графиком и предполагает систематические отрезки времени для возвращения к постоянному месту жительства мигранта (Соколова, Калачикова, 2023). К отличительным признакам вахтовой организации труда и, как следствие, данного вида миграции относятся максимально установленный срок вахты (не более трех месяцев), организация работодателем проезда и проживания трудового мигранта, особая форма трудового договора (Соколова, 2022).

Подходы к определению вахтовой трудовой миграции обобщены в табл. 1.

Методологические аспекты исследования

Методология оценки масштабов вахтовой трудовой миграции

Для оценки масштабов временной возвратной трудовой миграции (в т. ч. вахтовой миграции) применяются разные источники информации: выборочные обследования рабочей силы (Росстат) (Флоринская и др., 2015; Ахметова (Хилажева), 2022; Соколова, 2022), репрезентативные социологические опросы занятого населения (Шевцова, 2018; Ахметова, 2021; Ахметова (Хилажева), 2022; Туракаев, Баймурзина, 2022), данные о среднесписочной численности вахтового персонала

(Логинов, 2021). Первый источник позволяет оценить только общероссийское число временных трудовых миграций с разной периодичностью (ежедневно, один раз в неделю и реже, 1–2 раза в месяц, реже одного раза в месяц). Его данные содержат информацию только по перемещениям в другой регион и только по всей стране в целом, не позволяя проанализировать ситуацию по отдельным субъектам РФ. Кроме того, по результатам выборочного обследования рабочей силы сложно понять, кто из работающих в других регионах может быть вахтовым или сезонным работником, а кто маятниковым мигрантом (Соколова, 2022).

Социологические опросы помогают более точно определить вовлеченность занятого населения в вахтовые трудовые миграции, охарактеризовать социально-демографический портрет таких мигрантов. Вместе с тем субъективные оценки могут завышать уровень вахтовой миграции (Туракаев, 2016). Чаще всего подобные исследования проводятся либо в отдельных регионах, например в Республике Башкортостан (Ахметова, 2021; Ахметова (Хилажева), 2022; Туракаев, Баймурзина, 2022), Новосибирской (Шевцова, 2018), Иркутской (Кириллова, 2016) областях, либо на отдельных территориях, например на севере Западной Сибири (Силин, 2015), что затрудняет оценку общероссийской ситуации, а также региональной дифференциации показателя. Данные о численности вахтового персонала доступны лишь по отдельным предприятиям и регионам Арктической зоны РФ, а потому также не позволяют оценить общестрановые объемы вахтовой трудовой миграции и ее региональные различия. В переписи населения 2010 года содержался вопрос о работе за пределами своего населенного пункта, но отсутствовал вопрос о частоте таких поездок, что не давало возможности отделить вахтовых мигрантов от маятниковых. В переписном листе Всероссийской переписи населения – 2020 (далее – ВПН-2020) этот вопрос появился впервые. Таким образом, ВПН-2020 стала новым источником информации о данном виде миграций.

В представленном исследовании для оценки масштабов вахтовой миграции применялись данные ВПН-2020, проведенной в 2021 году, а именно информация о занятом населении частных домохозяйств, работающем за пределами своего населенного пункта, по территории нахождения работы и периодичности выезда на работу. За вахтовых трудовых мигрантов условно принимались лица, выезжающие на работу за пределы своего населенного пункта с периодичностью несколько раз в месяц или один раз в месяц и реже, что позволяет отделить их от маятниковых мигрантов, выезжающих на заработки ежедневно или несколько раз в неделю (Соколова, Калачикова, 2023). Использование критерия периодичности выезда на работу за пределы своего населенного пункта в качестве маркера вахтовой миграции весьма условно и является допущением, т. к. среди этих лиц могут быть маятниковые и челночные мигранты, а также сезонно занятые вне места проживания (Соколова, Калачикова, 2023). Кроме того, Н.Г. Нефедова отмечает, что существуют переходные формы отхода, например работа в течение суток с тремя выходными, отход на рабочие дни недели с выходными дома³, и такие занятые могут попадать в группу вахтовых работников. К сожалению, данные переписи не позволяют определить регионы, принимающие вахтовых мигрантов, возраст, уровень образования и профессию работников, что является ограничением исследования. Несмотря на перечисленные недостатки, преимуществом данных ВПН-2020 выступает возможность оценки общестрановых масштабов вахтовой трудовой миграции, ее региональных особенностей и направлений перемещения вахтовых работников.

Для анализа региональной дифференциации вахтовой миграции вычислялась доля вахтовых трудовых мигрантов с периодичностью выезда несколько раз в месяц (кратковременные) и один раз в месяц и реже (долговременные) в общей численности занятых, работающих за пределами своего населенного

пункта и отметивших периодичность поездок. Осуществлялась группировка регионов РФ по величине показателей общей, кратковременной и долговременной миграции. Выделялись три группы регионов – с низкими, средними и высокими значениями показателей. В среднюю группу отбирались территории со значениями показателей в диапазоне «среднее арифметическое \pm стандартное отклонение», регионы со значениями ниже или выше этого диапазона относились в группы с низкими и высокими уровнями соответственно.

Дополнительно регионы РФ группировались по соотношению вклада в общую вахтовую трудовую миграцию кратковременной и долговременной вахты (преобладание одного из видов, если его доля превышает 60%; смешанный тип – если оба в диапазоне от 40 до 60%), а также внутрирегиональной, межрегиональной и международной вахты (преобладание одного из видов, если его доля превышает 60%, смешанный тип – если внутрирегиональная и межрегиональная в диапазоне от 40 до 60%, а доля международной не более 15%, а также доля международной 15% и более).

Методология оценки причин и последствий вахтовой трудовой миграции

Для оценки причин и последствий вахтовых трудовых миграций часто привлекаются социологические методы – анкетирование или интервью (Силин, 2015; Туракаев, 2016; Шевцова, 2018; Ахметова, 2021; Ахметова (Хилажева), 2022; Бажутова, 2022; Туракаев, Баймурзина, 2022), экспертные опросы специалистов (Ахметова, 2021; Ахметова (Хилажева), 2022). Нами осуществлен вторичный анализ результатов количественных и качественных исследований (в т. ч. социологических), в рамках которых изучаются причины и последствия вахтовой трудовой миграции.

В представленной работе применялся подход М.С. Туракаева к классификации причин и мотивов вахтовой трудовой миграции. С одной стороны, ученый выделяет ее объективные причины (слабо зависящие

³ Нефедова Т. (2015). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. 4–17 мая. № 641–642. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php> (дата обращения 14.07.2023).

или вовсе не зависящие от вахтового работника) и субъективные мотивы (зависящие исключительно от выбора и желания самого работника), с другой стороны, подразделяет их на два типа: выталкивающие факторы, вынуждающие работать за пределами места проживания, и задерживающие факторы, не позволяющие сменить место жительства и удерживающий людей в родной местности (Туракаев, 2016). Однако перечень причин вахтовой миграции был расширен нами исходя из результатов научных исследований, составлена матрица соотношения объективных/субъективных причин и выталкивающих/задерживающих факторов.

Последствия вахтовой трудовой миграции чаще всего анализируются либо с позиции территории (выбытия и прибытия), либо уровня и объекта влияния (микроуровень – вахтовые работники, их семьи, предприятия; мезоуровень – населенные пункты и регионы, общества и его институты, отрасли экономики; макроуровень – национальная экономика, государство, окружающая среда), либо характера воздействия (социальные, психологические, экономические, демографические, экологические и пр.), либо их направленности (отрицательные, положительные). В данном исследовании для систематизации последствий, отраженных в работах ученых, нами были использованы одновременно три критерия – уровень последствий (в т. ч. объект воздействия), их характер и направленность воздействия.

Основные результаты

Масштабы и региональная дифференциация вахтовой трудовой миграции в России

Согласно данным ВПН-2020, 1432,0 тыс. человек (2,4% занятого населения России или 22% работающих за пределами своего населенного пункта) условно могут быть отнесены к вахтовым трудовым мигрантам, из них 833,1 тыс. человек (1,4 или 13% соответственно) – осуществляют долговременные выезды, а 598,9 тыс. человек (1,0 или 9% соответственно) – кратковременные. Вовлеченность в вахтовую миграцию выше среди занятых за пределами места

жительства мужчин по сравнению с женщинами (28% против 13), особенно в долговременную вахту (17% против 7; *рис. 1*). Среди занятых городских жителей, выезжающих на работу из своего населенного пункта, вахтовая миграция распространена несколько чаще по сравнению с сельскими (24% против 21). Вахтовые перемещения наиболее характерны для занятого населения, осуществляющего зарубежные поездки по работе (70%), чаще в формате долговременных выездов (54%), а наименее – для занятого населения, перемещающегося в пределах своего региона (10%).

В составе вахтовых трудовых мигрантов преобладают мужчины (77% против 23% женщин), при этом наибольшее число мужчин выезжает вахтой на заработки с периодичностью один раз в месяц и реже (80%), что во многом объясняется тяжелым характером такого формата труда (*рис. 2*). Доля женщин несколько выше при кратковременных вахтовых перемещениях (28%). Среди вахтовых мигрантов преобладают сельские жители (63%), особенно при краткосрочных перемещениях (68%), доля горожан несколько выше в составе долговременных вахтовых мигрантов, но все равно уступает доле сельского населения (40%; *рис. 3*). Вывод о большей включенности в вахтовую трудовую миграцию сельских жителей и мужчин соотносится с результатами других отечественных исследований (Кириллова, 2016; Ахметова, 2021; Туракаев, Баймурзина, 2022).

Большинство вахтовых трудовых мигрантов выезжают на работу в другие регионы России (69%; *рис. 4*). Закономерно, что самая значительная доля межрегиональных трудовых перемещений отмечается среди долговременных вахтовых мигрантов (79%), поскольку подобный формат сам по себе занимает больше времени вследствие преодоления больших расстояний. Удельный вес выезжающих на работу в зарубежные страны несколько выше среди долговременных вахтовых мигрантов, но все равно незначителен и не превышает 2%. Доля внутрирегиональных трудовых поездок выше среди вахтовых мигрантов, покидающих дом на короткие сроки (43%).

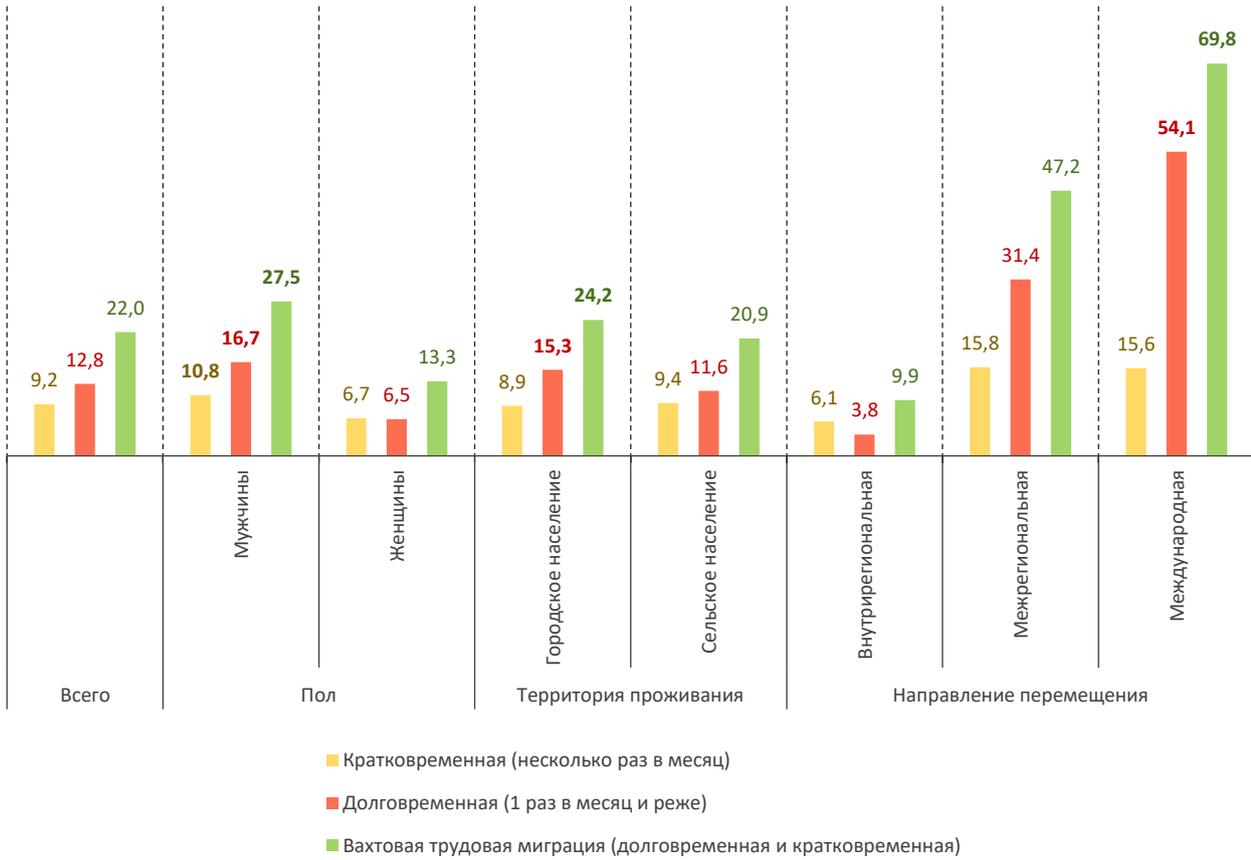

Рис. 1. Вахтовые трудовые миграции по периодичности выезда на работу в разрезе пола, территории проживания и направления перемещения*, %

* От числа занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта и указавшего периодичность выезда, соотв. группы.

Составлено по: Т. 10. Рабочая сила // Итоги ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila

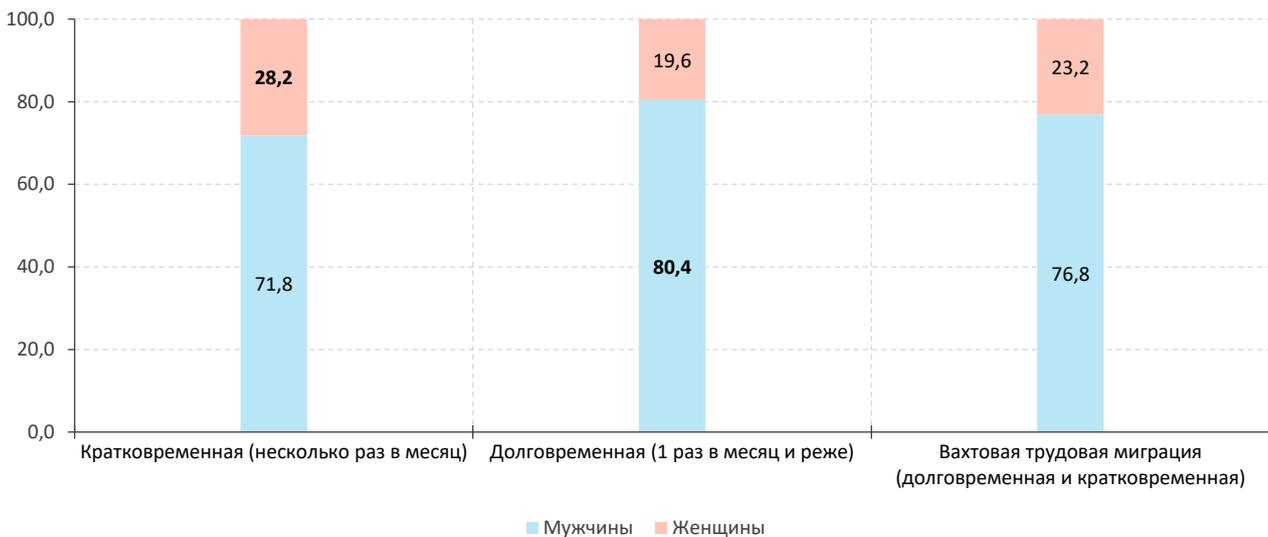

Рис. 2. Состав вахтовых трудовых мигрантов с разной периодичностью выезда на работу по полу*, %

* От числа занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта с разной периодичностью.

Составлено по: Т. 10. Рабочая сила // Итоги ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila

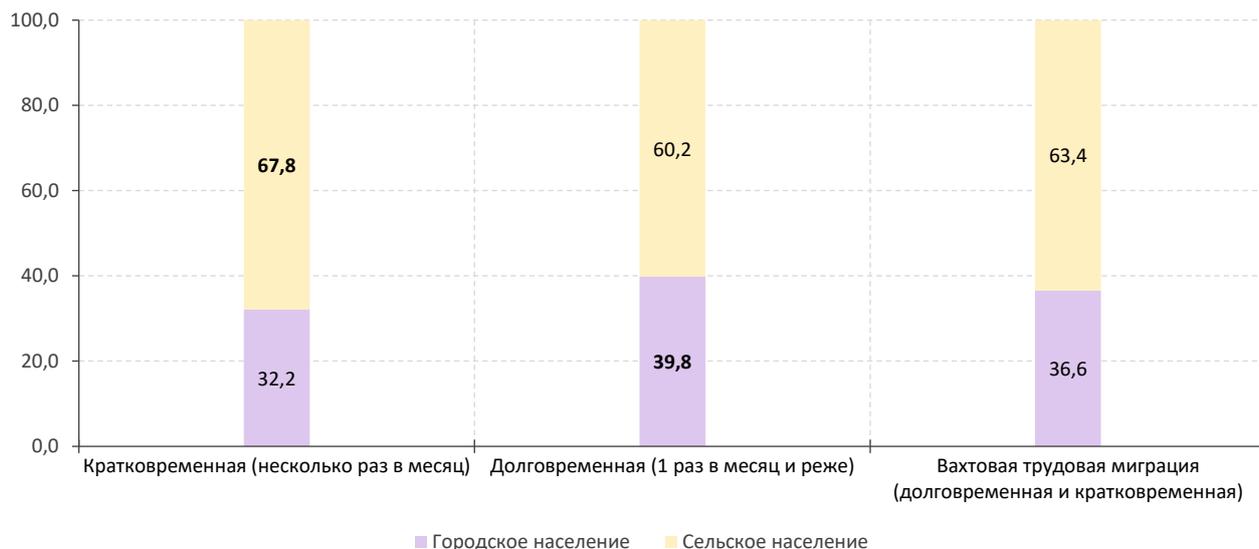

Рис. 3. Состав вахтовых трудовых мигрантов с разной периодичностью выезда на работу по территории проживания*, %

* От числа занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта с разной периодичностью. Составлено по: Т. 10. Рабочая сила // Итоги ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila

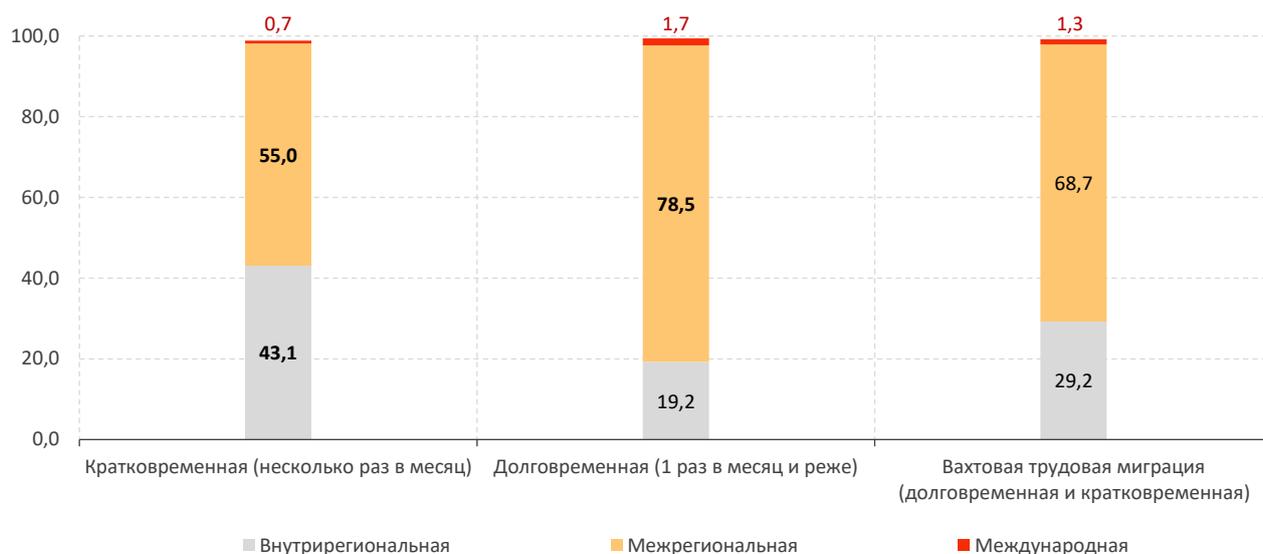

Рис. 4. Состав вахтовых трудовых мигрантов с разной периодичностью выезда на работу по направлению перемещения*, %

* От числа занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта с разной периодичностью. Составлено по: Т. 10. Рабочая сила // Итоги ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila

По данным ВПН-2020, самую высокую долю вахтовых трудовых мигрантов в общей численности выезжающего на заработки занятого населения имеют 11 регионов РФ: республики Калмыкия (85%), Башкортостан (49%) и Мордовия (44%), Ямало-Ненецкий (80%), Ханты-Мансийский (53%) и Чукотский (51%) АО, Забайкальский

край (53%), Магаданская (62%), Омская (49%), Саратовская (48%), Волгоградская (43%) области (рис. 5). Попадание этих регионов в число доноров вахтовых мигрантов, с одной стороны, может объясняться их социально-экономическим положением, с другой стороны, не соответствовать ему. Согласно классификации регионов России по уров-

Рис. 5. Регионы РФ по доле вахтовых трудовых мигрантов в общей численности занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта, %

Составлено по: Т. 10. Рабочая сила // Итоги ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila

ню социально-экономического развития⁴ (Флоринская и др., 2015), чаще донорами вахтовиков выступают субъекты со средним уровнем развития (т. н. «середина») – среднеразвитые промышленные (Республика Мордовия, Волгоградская, Омская области), более аграрные (Саратовская область) и слабоосвоенные (Чукотский АО, Магаданская область), а также «аутсайдеры» – слабоосвоенные и слаборазвитые (Республика Калмыкия). Однако среди регионов-доноров есть и те, которые относятся к числу «лидеров», – богатые нефтегазодобывающие субъекты (ЯМАО и ХМАО), а также относительно развитые и опережающие по доходу – Республика Башкортостан, в экономике которой исторически значимую роль играют добыча и транспортировка нефти (Флоринская и др., 2015).

Среднее значение удельного веса вахтовых трудовых мигрантов отмечается в большинстве субъектов РФ (64 региона), тогда как в 10 регионах наблюдается его минимальный уровень: в столичном регионе – г. Москве (12%) и Московской области (3%), а также в Ленинградской (4%), Калининградской (5%),

Мурманской (10%) областях, в республиках Северного Кавказа и Юга России – Адыгее (7%), Ингушетия (7%), Карачаево-Черкесия (11%), Крым (9%). Отдельные регионы с минимальной долей вахтовых мигрантов сами являются центрами миграционного притяжения и находятся в освоенной зоне с более развитой инфраструктурой и благоприятными природно-климатическими условиями (г. Москва, Московская, Ленинградская и Калининградская области). В случае территорий Северного Кавказа это может быть связано с высоким уровнем неформальной занятости и нежеланием работодателей привлекать работников из данных республик (Флоринская и др., 2015).

По доле кратковременных вахтовых мигрантов лидируют 13 субъектов РФ, это регионы центральной части России – Курская (25%), Рязанская (25%), Брянская (24%), Орловская (22%), Ивановская (21%), Тамбовская (17%), Смоленская (16%) области, а также ХМАО (22%) и ЯМАО (21%), республики Тыва (22%), Чувашия (18%) и Карелия (16%), Пензенская область (16%; рис. 6). Перечисленные субъекты центральной части России (Брянская, Там-

⁴ Социальный атлас российских регионов. URL: <http://www.ecoross.ru/files/atlas/typology/index.shtml> (дата обращения 22.08.2023).

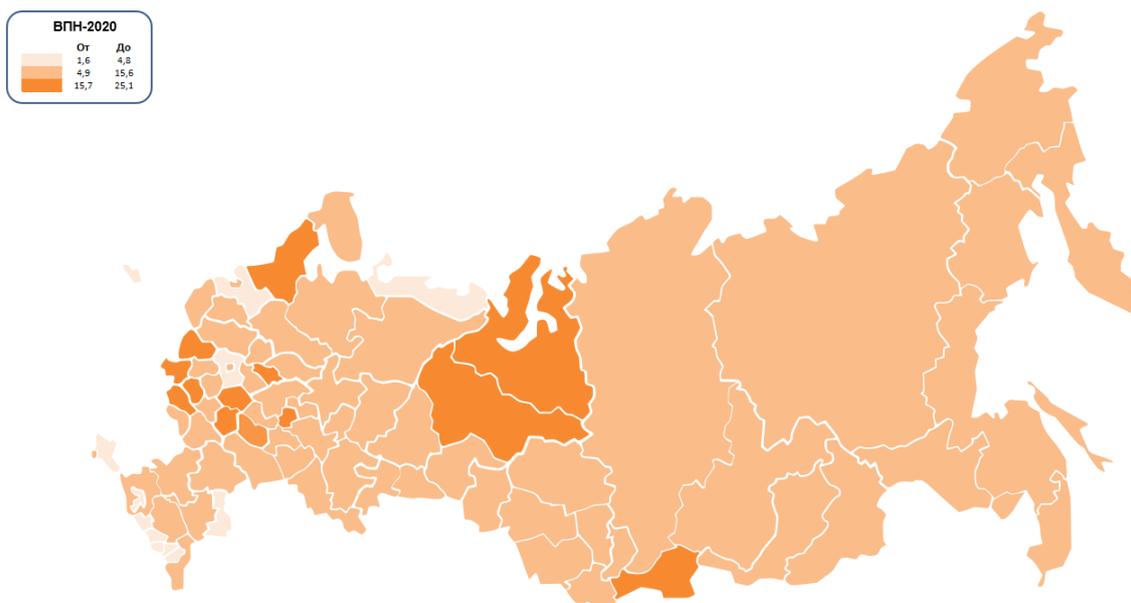

Рис. 6. Регионы РФ по доле кратковременных вахтовых трудовых мигрантов в общей численности занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта, %

Составлено по: Т. 10. Рабочая сила // Итоги ВПП-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila

бовская, Ивановская, Смоленская области) и Поволжья (Республика Чувашия, Пензенская область) являются главными поставщиками трудовых мигрантов для столичного региона (Флоринская и др., 2015). Высокая доля кратковременных вахтовых мигрантов в ЯМАО и ХМАО может объясняться близостью мест приложения вахтового труда, а именно нефтегазовых месторождений, для их жителей. Для 60 регионов характерен средний показатель краткосрочной вахтовой миграции. В 12 субъектах отмечается самый низкий ее уровень, в большинстве случаев это регионы Северного Кавказа и Юга России – республики Ингушетия (5%), Карачаево-Черкесия (4%), Чечня (4%), Адыгея (4%), Кабардино-Балкария (3%), Северная Осетия (2%), Крым (4%), Астраханская область (5%), а также Ленинградская (3%), Калининградская (3%), Московская (3%) области, Ненецкий АО (2%).

Наибольшая доля долговременных вахтовых мигрантов свойственна 11 субъектам, это преимущественно регионы Севера России – ЯМАО (59%) и ХМАО (31%), Магаданская область (54%), Чукотский АО (42%), Республика Коми (31%) и Поволжья – Республика Башкортостан (40%), Волгоградская (38%) и Саратовская (33%) об-

ласти, а также Республика Калмыкия (79%), Забайкальский край (43%) и Омская область (41%; рис. 7). Большинство из них поставляют рабочую силу в другой центр притяжения трудовых мигрантов – нефтегазодобывающие регионы Урала: Тюменскую область, ЯМАО и ХМАО (Флоринская и др., 2015). В соседствующих ЯМАО, ХМАО и Республике Коми это происходит, в том числе, за счет перемещений к местам приложения труда собственного населения. Для 65 субъектов РФ характерна средняя доля долговременной вахты, в 9 регионах отмечается самый низкий ее показатель – это республики Адыгея (3%) и Ингушетия (2%), Тульская (3%), Калининградская (2%), Владимирская (2%), Курская (2%), Калужская (2%), Ленинградская (0,6%) и Московская (0,4%) области.

Кратковременная вахтовая миграция преобладает в 20 регионах, наиболее существенно – в субъектах центральной части России (Курская, Московская, Тульская, Владимирская, Рязанская, Калужская области; табл. 2), что во многом объясняется их близостью к столичному региону и меньшими расстояниями для перемещений. Долговременные выезды на работу преобладают в общем объеме вахтовых

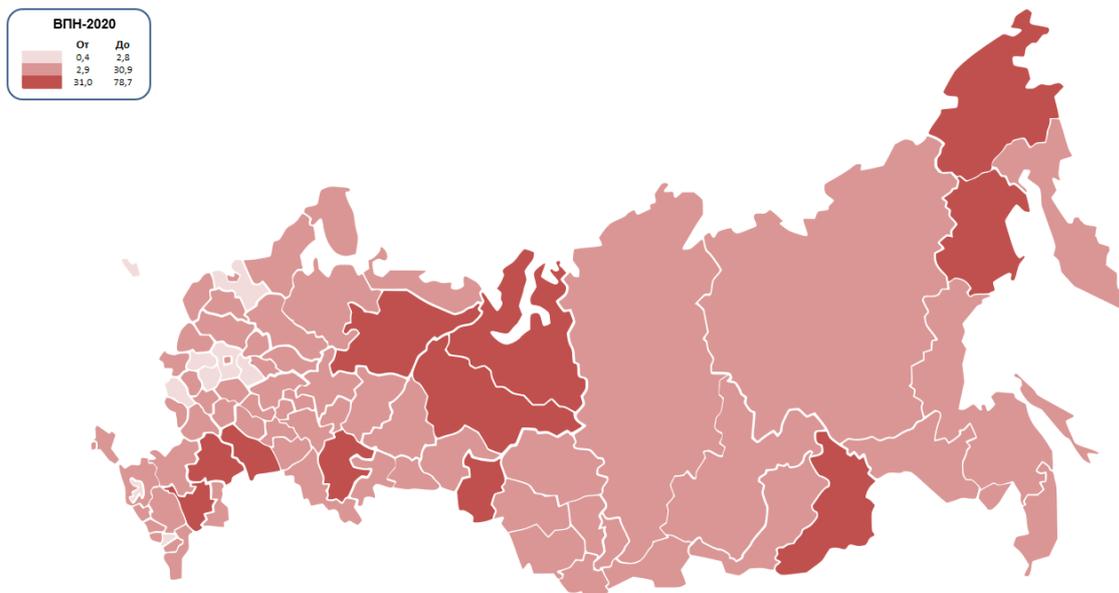

Рис. 7. Регионы РФ по доле долговременных вахтовых трудовых мигрантов в общей численности занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта, %

Составлено по: Т. 10. Рабочая сила // Итоги ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila

Таблица 2. Группировка регионов РФ по соотношению вклада кратковременной (КВТМ) и долговременной (ДВТМ) вахты в общую вахтовую трудовую миграцию, %

Группа	Число регионов	Регионы
Регионы с преобладанием кратковременной вахтовой трудовой миграции (КВТМ 60% и более)	20	Курская (94%), Московская (87%), Тульская (84%), Ленинградская (84%), Владимирская (84%), Рязанская (83%), Калужская (81%), Новгородская (73%), Липецкая (73%), Псковская (72%), Нижегородская (69%), Ярославская (68%), Орловская (65%), Вологодская (63%), Тверская (63%), Мурманская (62%) обл., республики Ингушетия (69%), Тыва (68%), Адыгея (60%), г. Санкт-Петербург (63%)
Регионы со смешанным типом вахтовой трудовой миграции (от 40 до 60% КВТМ и ДВТМ)	22	Самарская (59/41%), Брянская (58/42%), Белгородская (57/43%), Смоленская (56/44%), Тамбовская (56/44%), Калининградская (55/45%), Свердловская (55/45%), Ивановская (52/48%), Кемеровская (51/49%), Ростовская (49/51%), Костромская (47/53%), Воронежская (45/55%), Иркутская (41/59%) обл., республики Татарстан (56/44%), Крым (47/53%), Карелия (45/55%), Саха (Якутия) (44/56%), Чувашия (44/56%), Камчатский (51/49%), Приморский (46/54%) края, г. Москва (50/50%), Ханты-Мансийский АО (42/58%)
Регионы с преобладанием долговременной вахтовой трудовой миграции (ДВТМ 60% и более)	43	Республики Калмыкия (93%), Северная Осетия (88%), Кабардино-Балкария (85%), Башкортостан (81%), Коми (78%), Алтай (77%), Хакасия (77%), Дагестан (76%), Бурятия (72%), Чечня (68%), Мордовия (66%), Марий Эл (63%), Удмуртия (62%), Карачаево-Черкесия (61%), Ненецкий (89%), Чукотский (83%), Ямало-Ненецкий (74%) АО, Волгоградская (88%), Магаданская (87%), Омская (85%), Астраханская (84%), Томская (73%), Курганская (71%), Кировская (71%), Сахалинская (69%), Саратовская (68%), Оренбургская (68%), Амурская (68%), Тюменская (64%), Новосибирская (63%), Ульяновская (63%), Челябинская (63%), Архангельская (61%), Пензенская (61%) обл., Забайкальский (81%), Алтайский (71%), Красноярский (69%), Хабаровский (69%), Краснодарский (67%), Пермский (65%), Ставропольский (60%) края, г. Севастополь (78%), Еврейская авт. обл. (60%)

Рассчитано по: Т. 10. Рабочая сила // Итоги ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila

миграций в 43 регионах, из них в большей степени – в Калмыкии, Ненецком и Чукотском АО, Волгоградской, Астраханской, Омской и Магаданской областях, республиках Северная Осетия, Кабардино-Балкария и Башкортостан, Забайкальском крае. В 22 субъектах отмечается смешанный тип вахтовой трудовой миграции.

В 51 из 85 регионов России преобладает межрегиональная вахтовая трудовая миграция, что во многом связано с большей распространенностью долговременных вахт, требующих поездок на существенные расстояния,

пересечения разных климатических зон и часовых поясов (Бажутова, 2022). Она наиболее значима (более 90%) для Ненецкого АО, ХМАО и ЯМАО, республик Мордовия и Чувашия, Брянской и Курганской областей (табл. 3). В 15 субъектах РФ максимальный вклад в вахтовую миграцию вносят внутрирегиональные перемещения, особенно заметно (более 80%) в Сахалинской, Тюменской областях и Республике Саха (Якутия). Смешанный тип вахтовой трудовой миграции по направлению перемещения отмечается в 19 субъектах, в 15 из них почти в равной

Таблица 3. Группировка регионов РФ по соотношению вклада внутрирегиональной (ВВТМ), межрегиональной (МВТМ) и зарубежной (ЗВТМ) вахты в общую вахтовую трудовую миграцию*, %

Группа	Число регионов	Регионы
Регионы с преобладанием внутрирегиональной вахтовой трудовой миграции (ВВТМ 60% и более)	15	Сахалинская (82%), Тюменская (82%), Амурская (70%), Магаданская (66%), Архангельская (62%), Иркутская (61%) обл., республики Саха (Якутия) (81%), Северная Осетия (76%), Тыва (73%), Коми (66%), Приморский (72%), Красноярский (68%), Камчатский (67%), Забайкальский (63%) края, Чукотский АО (71%)
Регионы со смешанным типом вахтовой трудовой миграции (от 40 до 60% ВВТМ и МВТМ, не более 15% ЗВТМ)	15	Хабаровский (60/38/1%), Пермский (46/52/1%), Краснодарский (38/58/3%) края, Свердловская (57/41/1%), Вологодская (53/44/1%), Томская (53/46/0,3%), Новосибирская (51/47/2%), Мурманская (48/42/9%), Нижегородская (47/51/1%), Самарская (43/55/2%) обл., республики Карелия (51/44/4%), Татарстан (51/48/1%), Бурятия (42/56/1%), Крым (37/54/9%), Ингушетия (21/45/1%)
Регионы со смешанным типом вахтовой трудовой миграции, в т. ч. с выраженной долей зарубежной вахтовой трудовой миграции (ЗВТМ от 15% и выше)	4	Калининградская обл. (48/29/20%), г. Москва (3/69/19%), г. Севастополь (1/60/38%), г. Санкт-Петербург (1/75/21%)
Регионы с преобладанием межрегиональной вахтовой трудовой миграции (МВТМ 60% и более)	51	Ненецкий (99%), Ханты-Мансийский (98%), Ямало-Ненецкий (97%) АО, республики Мордовия (92%), Чувашия (91%), Кабардино-Балкария (87%), Адыгея (85%), Карачаево-Черкесия (84%), Марий Эл (81%), Чечня (79%), Хакасия (79%), Дагестан (76%), Башкортостан (75%), Калмыкия (67%), Удмуртия (63%), Алтай (61%), Брянская (90%), Курганская (90%), Орловская (88%), Тамбовская (87%), Пензенская (86%), Ивановская (86%), Курская (85%), Тульская (84%), Владимирская (84%), Ульяновская (84%), Волгоградская (82%), Смоленская (81%), Липецкая (80%), Ярославская (79%), Омская (79%), Белгородская (78%), Астраханская (78%), Рязанская (78%), Саратовская (78%), Кировская (77%), Костромская (77%), Новгородская (76%), Калужская (75%), Тверская (75%), Оренбургская (72%), Ленинградская (72%), Псковская (71%), Московская (69%), Ростовская (69%), Воронежская (67%), Кемеровская (65%), Челябинская (63%) обл., Ставропольский (71%), Алтайский (70%) края, Еврейская авт. обл. (70%)

* Сумма не равна 100%, т. к. в нее также входила доля не указавших территорию нахождения работы, которая не учитывалась при группировке.

Рассчитано по: Т. 10. Рабочая сила // Итоги ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila

степени представлены внутри- и межрегиональные перемещения при невысокой доле международных, а в четырех ощутим вклад международной миграции (города федерального значения Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, Калининградская область).

Причины и последствия вахтовой трудовой миграции: опыт исследований

Результаты большинства исследований подтверждают вынужденный характер вахтовой трудовой миграции (Туракаев, 2016; Ахметова (Хилажева), 2022; Бажутова, 2022; Туракаев, Баймурзина, 2022). В соответствии с подходом М.С. Туракаева нами составлена матрица соотношения объективных и субъективных, выталкивающих и задерживающих причин и мотивов вахтовой миграции (табл. 4). Наиболее наполненную группу формируют объективные выталкивающие факторы. Среди них главенствующая роль отводится низкому уровню заработной платы в месте выбытия и недостатку рабочих

мест в месте постоянного проживания вахтового мигранта. Как отмечает Г.Ф. Ахметова, наиболее остро эти проблемы стоят в сельской местности, что обуславливает более высокий уровень участия сельских жителей во временной (в т. ч. вахтовой) трудовой миграции (Ахметова (Хилажева), 2022). По данным интервью М.С. Туракаев также выделяет фактор отсутствия у вахтовых работников необходимого уровня образования или невозможности его применения в месте проживания (Туракаев, 2016). Кроме того, среди выталкивающих причин обозначаются потребность в улучшении жилищных условий и материального положения, необходимость обеспечения семьи. Для женщин, трудящихся вахтовым методом и имеющих относительно самостоятельных детей, в качестве вынуждающего фактора часто выступает потеря кормильца в семье (вдовство или развод) (Туракаев, Баймурзина, 2022). К субъективным выталкивающим факторам относят

Таблица 4. Причины и мотивы вахтовой трудовой миграции

Причины	Выталкивающие факторы	Задерживающие факторы
Объективные причины	Усиление поляризации городской и сельской местности; низкий уровень заработной платы в населенном пункте проживания и ее более высокий и конкурентный размер в месте прибытия; дефицит рабочих мест в месте проживания; избыточное предложение труда в месте прибытия; отсутствие нужного образования или невозможность его применения в месте проживания; потребность в улучшении жизненных условий; необходимость решения финансовых проблем, улучшения материального положения, обеспечения семьи (учеба детей и т. п.); потеря кормильца в семье (вдовство, развод женщины) при наличии относительно самостоятельных детей	Институциональные (регистрация и приватизация жилья) и жилищные (дороговизна покупки и аренды жилья в другом населенном пункте) барьеры
Субъективные мотивы	Пример родных и знакомых, работающих вахтовым методом, семейная традиция	Патриотические чувства, желание и привычка жить в сельской местности, сохранение традиционного уклада жизни; удобство вахтового формата работы (наличие межвахтового отдыха) для ведения домашних хозяйственных дел; пример родных и знакомых, работающих вахтовым методом, семейная традиция

Составлено по: (Плюснин, 2012; Туракаев, 2016; Шевцова, 2018; Ахметова (Хилажева), 2022; Туракаев, Баймурзина, 2022; Hoath, Haslam McKenzie, 2013); Нефедова Т.Г. (2015). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. № 641–642. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php>

следование вахтового работника примеру родственников и близких, семейную традицию вахтового труда.

Среди объективных факторов, задерживающих вахтовых трудовых мигрантов в месте жительства, выделяются институциональные и жилищные барьеры (регистрация и приватизация жилья, дороговизна его покупки и аренды в другом населенном пункте), которые Е.В. Шевцова называет чертами наименее социально-экономически развитых территорий (муниципалитетов) (Шевцова, 2018). В роли задерживающих субъективных факторов, как показывают результаты исследований, выступают патриотические чувства, желание и привычка жить в сельской местности, сохранение традиционного уклада жизни, удобство вахтового формата работы (наличие межвахтового отдыха) для ведения домашних и хозяйственных дел. К ним же можно отнести пример родных и знакомых вахтовиков, поскольку он не только стимулирует временную миграцию, но и препятствует ее трансформации в окончательный переезд.

Последствия вахтовой трудовой миграции

В ходе систематизации последствий вахтовой трудовой миграции выявлено, что среди положительных социально-экономических эффектов на макро- и мезоуровне для принимающих территорий в основном обозначаются такие, как перераспределение денежных потоков между более и менее богатыми регионами (Нуйкина, 2013), снижение затрат всех видов ресурсов на создание и содержание населенных пунктов в местах производства работ (Силин, 2015; Haslam McKenzie, 2016a). Для общества в целом они выражаются в снижении уровня безработицы в населенных пунктах выбытия, росте занятости и сокращении дефицита трудовых ресурсов в населенных пунктах прибытия (Нуйкина, 2013; Силин, 2015; Ахметова, 2021; Бажутова, 2022), сокращении социальной напряженности, повышении уровня жизни общества за счет налоговых поступлений, развитии сектора торговли и услуг по обслуживанию вахтовых работников (Нуйкина, 2013; Бажутова, 2022), увеличении доходов собственников жилья

вследствие роста его стоимости (из-за наплыва вахтовых мигрантов) (Нуйкина, 2013), а для системы здравоохранения – в ее развитии вследствие спроса вахтовиков на медицинские услуги и реализации корпоративных социальных программ (Нуйкина, 2013; Бажутова, 2022). В качестве положительных экологических последствий вахтовой миграции для окружающей среды А.Н. Силин называет сокращение антропогенной нагрузки на природные ландшафты и негативного воздействия на условия жизни аборигенного населения (Силин, 2015). К позитивным демографическим эффектам для принимающей территории относится повышение ее демографического и трудового потенциала в результате притока трудоспособного населения (Ахметова, 2021).

Положительные социально-экономические последствия вахтовой миграции проявляются и на микроуровне: для предприятий они выражаются в сокращении затрат средств и времени на реализацию поставленных целей, своевременном реагировании компаний на динамичную рыночную ситуацию, в т. ч. на изменение спроса (Нуйкина, 2013; Силин, 2015; Haslam McKenzie, 2016a), для самого вахтового мигранта – в повышении заработной платы и уровня жизни, приобретении навыков и опыта, возможностях для обучения без отрыва от производства, а для его семьи – в улучшении материальных и жилищных условий (Storey, 2010; Нуйкина, 2013; Ахметова, 2021; Хилажева, 2021; Туракаев, Баймурзина, 2022).

Отрицательные социально-экономические последствия вахтовой трудовой миграции на макро- и мезоуровне для общества принимающей территории состоят в снижении доходов местного населения и его невосребованности в вахтовых отраслях из-за невозможности конкурировать с приезжими специалистами, увеличении разрыва в доходах, росте стоимости жилья для местных жителей вследствие повышения спроса на него вахтовиков (Нуйкина, 2013; Hoath, Haslam McKenzie, 2013; Haslam McKenzie, 2016a; Чушкина, 2020), для системы здравоохранения принимающей территории – в увели-

чении нагрузки из-за повышенного спроса со стороны вахтовых работников (Нуйкина, 2013). К негативным демографическим последствиям для территорий выбытия исследователи относят сокращение демографического и трудового потенциала из-за оттока трудоспособного населения⁵ (Ахметова, 2021), в результате чего снижается их привлекательность, деградирует социальная инфраструктура. Помимо позитивного влияния вахтовой трудовой миграции на экологическую ситуацию обозначается и негативный эффект вследствие потребительского отношения вахтовика как «временщика» к окружающей среде (Нуйкина, 2013; Силин, 2015). Главным отрицательным социально-психологическим последствием для принимающего общества выступает ухудшение социальной обстановки – нарушение вахтовиками общественного порядка, напряженное отношение к ним местного населения и возникновение конфликтов (Нуйкина, 2013).

Субъектами отрицательных социально-экономических последствий вахтовой миграции на микроуровне выступают преимущественно предприятия, причем как те, на которых трудятся вахтовые работники, так и остальные предприятия принимающей территории. Для первых это проявляется в невозможности накопления необходимого опыта и знаний специфики выработок из-за постоянно меняющегося состава вахтовых бригад и отсутствия преемственности, в сложности с обеспечением безопасности и поддержанием сплоченности коллектива (Нуйкина, 2013; Jones, Southcott, 2015), тогда как для вторых – в утечке кадров вследствие невозможности обеспечить сотрудникам конкурентную заработную плату, особенно в бюджетной сфере и мелком бизнесе (Нуйкина, 2013). Среди негативных социально-психологических эффектов вахтовой трудовой миграции для семьи работника обозначаются нарушение семейных отношений (супружеских, родительно-детских), проблемы в ведении домашнего хозяйства и быта, воспитании детей,

участии в общественной жизни жен вахтовых работников, проблемы с поведением и успеваемостью детей (Силин, 2015; Шевцова, 2018; Ахметова, 2021; Хилажева, 2021; Storey, 2010; Hoath, Haslam McKenzie, 2013). Широкий спектр отрицательных социально-психологических последствий наблюдается и в отношении самого вахтовика: развитие девиантных форм поведения, например злоупотребление алкоголем, совершение преступлений (Холодилова, 2008; Силин, 2015), ухудшение параметров физического, психического здоровья (Холодилова, 2008; Алексеенко и др., 2009; Силин, 2015), а также деформация личности⁶.

Обсуждение результатов и заключение

Таким образом, вахтовые трудовые миграции представляют собой временные возвратные краткосрочные регулярные трудовые миграции и являются разновидностью нового отходничества. Возможность оценки их общестрановых масштабов и региональной дифференциации с учетом периодичности и направлений перемещения впервые была предоставлена ВПН-2020, дающей информацию о численности занятого населения, с разной частотой выезжающего на работу за пределы своего населенного пункта. По итогам переписи 1432,0 тыс. человек (2,4% занятого населения России, или 22% работающих за пределами своего населенного пункта) могут быть отнесены к вахтовым трудовым мигрантам, из них 833,1 тыс. человек (1,4 или 13% соответственно) – к долговременным, 598,9 тыс. человек (1,0 или 9% соответственно) – к кратковременным. В числе вахтовых мигрантов значительно больше мужчин и сельских жителей, что соответствует результатам исследований М.К. Кирилловой, Г.Ф. Ахметовой, М.С. Туракаева и Г.Р. Баймурзиной. Вахтовые миграции в большей степени представлены межрегиональными перемещениями, особенно среди выезжающих на длительные сроки.

⁵ Нефедова Т.Г. (2015). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. № 641–642. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php> (дата обращения 18.08.2023).

⁶ Нефедова Т.Г. (2015). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. № 641–642. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php> (дата обращения 21.08.2023).

Проведенное исследование продемонстрировало заметную дифференциацию регионов России по доле вахтовых трудовых мигрантов в общей численности занятых, выезжающих на заработки. Наибольший показатель имеют регионы с разным уровнем социально-экономического развития: среднеразвитые промышленные (Республика Мордовия, Волгоградская, Омская области), более аграрные (Саратовская область), слабоосвоенные (Чукотский АО, Магаданская область), слабоосвоенные и слаборазвитые (Республика Калмыкия), богатые нефтегазодобывающие (ЯМАО и ХМАО), относительно развитые и опережающие по доходу (Республика Башкортостан). Самая низкая доля вахтовых работников характерна для регионов – центров притяжения мигрантов с более развитой инфраструктурой и благоприятными природно-климатическими условиями (г. Москва, Московская, Ленинградская и Калининградская области), а также для республик Северного Кавказа и Юга России. Выявлены выраженные различия субъектов РФ как по удельному весу кратковременных и долговременных перемещений в общей вахтовой миграции, так и по их соотношению, а также по вкладу внутрирегиональной, межрегиональной и международной вахтовых миграций, что отражено в соответствующих группировках регионов.

Вторичный анализ данных социологических исследований показал, что наиболее значимыми причинами вовлеченности населения в вахтовую трудовую миграцию выступают объективные выталкивающие факторы, главным образом низкий уровень заработной платы и недостаток рабочих мест в месте постоянного проживания вахтового мигранта. В качестве задерживающих объективных причин выступают институциональные и жилищные барьеры (регистрация и приватизация жилья, дороговизна его покупки и аренды в другом населенном пункте), а субъективных – патристические чувства, сохранение традиционного уклада сельской жизни, удобство вахтового формата работы, пример родных и знакомых.

Последствия вахтовых трудовых миграций многоаспектны и проявляются на

разных уровнях. В исследованиях наибольшее внимание уделяется положительным социально-экономическим эффектам на макро- и мезоуровне – для территорий прибытия и выбытия (перераспределение ресурсов, снижение расходов на создание и содержание населенных пунктов), общества в целом (повышение уровня жизни населения и снижение безработицы в местах выбытия, сокращение социальной напряженности) и его отдельных институтов, например системы здравоохранения (развитие за счет повышенного спроса на услуги и корпоративных программ), на микроуровне – для предприятий (адаптация к условиям изменения спроса, эффективная организация деятельности), вахтовиков и их семей (улучшение материальных и жилищных условий, возможности приобретения знаний и опыта). Отрицательные последствия вахтовой миграции рассматриваются преимущественно на микроуровне, чаще с позиции социально-психологического влияния на вахтового работника (развитие девиантных форм поведения, ухудшение здоровья) и его семью (проблемы в семейных отношениях, ведении хозяйственно-бытовых, общественных дел, воспитании детей и их поведении).

Результаты исследования совершенствуют представления о количественном выражении вахтовой трудовой миграции в России и регионах, а также о ее качественных характеристиках. Знание масштабов вахтовой миграции и ее региональной дифференциации, причин и последствий важно для управления развитием территорий выбытия и прибытия вахтовых работников, для оценки потенциальных рисков и позитивных эффектов данного явления. С целью более глубокого понимания предпосылок вахтовой трудовой миграции, социально-демографического «портрета» вахтовиков в рамках проекта РНФ «Причины и социально-демографические последствия отходничества в контексте регулирования миграционных процессов в современной России» запланировано проведение серии фокус-групповых исследований, в т. ч. с представителями данной категории населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.Д., Симонова Н.Н., Зуева Т.Н. (2009). Влияние производственных факторов на состояние здоровья работников нефтедобычи при вахтовой организации труда в Заполярье // Экология человека. № 6. С. 47–50.
- Ахметова (Хилажева) Г.Ф. (2022). Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 2. № 2. С. 76–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.6>
- Ахметова Г.Ф. (2021). Динамика трудовой миграции в Башкортостане // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. Т. 21. № 2. С. 265–278. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278)
- Бажутова Е.А. (2022). Вахта как резерв для трансформации миграционных процессов в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 4. С. 148–166. DOI: [10.37614/2220-802X.4.2022.78.011](https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2022.78.011)
- Жидкевич Н.Н. (2017). Современные отходники севера и юга европейской части России // Крестьяноведение. Т. 2. № 3. С. 97–107. DOI: [10.22394/2500-1809-2017-2-3-97-107](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2017-2-3-97-107)
- Кириллова М.К. (2016). Предложение труда и резервы экономической активности населения Иркутской области // Регион: экономика и социология. № 1 (89). С. 182–208.
- Лексин В.Н. (2021). Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий // Регион: экономика и социология. № 3 (111). С. 133–153. DOI: [10.15372/REG20210306](https://doi.org/10.15372/REG20210306)
- Логинов В.Г. (2021). Вахтовый метод как основной источник рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики // Известия Уральского гос. горного ун-та. Вып. 2 (62). С. 191–201.
- Нуйкина Е.В. (2013). Влияние вахтового метода работы на принимающие города Российского Севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 2 (14). С. 107–116.
- Плюснин Ю.М. (2012). Отходничество в современной России // Отечественные записки. № 5 (50). С. 240–256.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013). Отходники: монография. Москва: Новый Хронограф. 288 с.
- Рязанцев С.В. (2014). Новые формы временной эмиграции из России // Наука. Инновации. Технологии. № 2. С. 81–93.
- Силин А.Н. (2015). Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (40). С. 109–123. DOI: [10.15838/esc/2015.4.40.7](https://doi.org/10.15838/esc/2015.4.40.7)
- Соколова А.А. (2022). Возвратная трудовая миграция в России: масштабы и тенденции // Вопросы территориального развития. Т. 10. № 2. DOI: [10.15838/tdi.2022.2.62.9](https://doi.org/10.15838/tdi.2022.2.62.9). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/29489>
- Соколова А.А. (2023). Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. Т. 27. № 4. С. 52–70. DOI: [10.15838/ptd.2023.4.126.4](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4)
- Соколова А.А., Калачикова О.Н. (2023). Современное отходничество: анализ территориальной специфики по данным переписи населения России // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. ст. / ред. О.А. Козлова, А.П. Багирова, Г.Е. Корнилов [и др.]; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. С. 312–322. DOI: [10.17059/udf-2023-3-7](https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-7)
- Туракаев М.С. (2016). Вахтовый труд и воспроизводство социально-культурных практик в российском регионе: на примере Республики Башкортостан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Социология. № 1. С. 35–47. DOI: [10.21638/11701/spbu12.2016.10435](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.10435)

- Туракаев М.С., Баймурзина Г.Р. (2022). Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. (2015). Миграция и рынок труда / Ин-т социального анализа и прогнозирования. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС. 108 с.
- Хилажева Г.Ф. (2021). Современная семья в контексте транслокальной миграции (на примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана) // Женщина в российском обществе. № 1. С. 68–82. DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.6
- Холодилова К.А. (2008). Качество жизни населения в условиях вахтового труда на Крайнем Севере (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Вестник Нижегородского университета работников нефтедобычи при вахтовой организации труда в Заполярье. № 5. С. 96–102.
- Чушкина М.С. (2020). Оценка механизмов управления вахтовой миграцией в регионах Арктической зоны России на примере Республики Саха (Якутия) // Городские исследования и практики. Т. 5. № 1. С. 117–134. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp512020117-134>
- Шевцова Е.В. (2018). Временная миграция населения в муниципальных районах Новосибирской области: тенденции, причины и последствия // Вестник Российской нации. № 3. С. 200–213.
- Haslam McKenzie F.M. (2016a). Long-Distance Commuting in Australia. In: Haslam McKenzie F. (eds.). *Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry*. Singapore: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-2018-6_1
- Haslam McKenzie F.M. (2016b). The Socio-economic Impacts of Long-Distance Commuting on People and Communities. In: Haslam McKenzie F. (eds.). *Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry*. Singapore: Springer, DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-2018-6_2
- Hoath A., Haslam McKenzie F.M. (2013). *The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities*. Perth: Co-operative Research Centre for Remote Economic Participation and Curtin Graduate School of Business.
- Jones C., Southcott C. (2015). Mobile miners: work, home, and hazards in Yukon's mining industry. *The Northern Review*, 41, 111–137. DOI: <https://doi.org/10.22584/nr41.2015.005>
- Storey K. (2010). Fly-in/Fly-out: Implications for Community Sustainability. *Sustainability*, 2, 1161–1181. DOI: 10.3390/su2051161

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александра Владимировна Короленко – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Korolenko A.V.

LONG-DISTANCE COMMUTING AS A KIND OF OTKHODNICHESTVO: SCALE, CAUSES AND EFFECTS

In recent decades, shift labor migration – a form of temporary return short-term and regular labor migration (new type of otkhodnichestvo) – has become widespread. The aim of the research is to assess its scale and regional differentiation in Russia, as well as to systematize ideas about its causes and effects. The information base is the results of the All-Russian Population

Census – 2020 and scientific publications on the subject. We have found that 2% of the employed population of Russia (22% of those working outside the settlement) are long-distance commuting migrants. Among them there are significantly more men, rural residents and those traveling to other regions. Subjects with different levels of socio-economic development have the largest share of shift workers: medium-developed industrial (Republic of Mordovia, Volgograd, Omsk oblasts), more agrarian (Saratov Oblast), underdeveloped (Chukotka Autonomous Okrug, Magadan Oblast), underdeveloped and underdeveloped (Republic of Kalmykia), rich oil and gas producing (Yamalo-Nenets and Khanty-Mansi autonomous okrugs), relatively developed and ahead of income (Republic of Bashkortostan). The lowest indicator is typical for regions that are centers of attraction for migrants (Moscow; Moscow, Leningrad and Kaliningrad oblasts), as well as for the republics of the North Caucasus and the South of Russia. The most significant reasons for involvement in long-distance commuting are objective push factors (low wages and lack of jobs in the place of residence). Positive socio-economic effects of long-distance commuting at the meso- and macro-level consist in the redistribution of resources between regions, reduction of costs for the creation and maintenance of settlements, improvement of living standards, reduction of social tension, development of the health care system; at the micro-level – in the adaptation of enterprises to the conditions of changing demand, effective organization of their activities, improvement of material and housing conditions of long-distance commuting workers and their families. Negative effects are manifested mainly at the micro level – in the socio-psychological impact on the long-distance commuting worker (deviant behavior, deterioration of health) and their family (problems in family relations, management of household and social affairs, children upbringing).

Otkhodnichestvo, long-distance commuting, scale, regional differentiation, causes, effects.

REFERENCES

- Akhmetova (Khilazheva) G.F. (2022). Russian regions in interregional labor migration: Level of participation, causes and factors. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*, 2(2), 76–89. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.6 (in Russian).
- Akhmetova G.F. (2021). Dynamics of labor migration in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*, 21(2), 265–278. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278 (in Russian).
- Alekseenko V.D., Simonova N.N., Zueva T.N. (2009). Influence of industrial factors on health status of oil production workers during rotations in polar region. *Ekologiya cheloveka*, 6, 47–50 (in Russian).
- Bazhutova E.A. (2022). Shift method as a reserve for the translation of migration processes in the regions of the Russian Arctic. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 4, 148–166. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2022.78.011 (in Russian).
- Chushkina M.S. (2020). Improving management practices of long-distance commuting of the Russian Arctic Zone: The case of the Republic of Sakha (Yakutia). *Gorodskie issledovaniya i praktiki=Urban Studies and Practices*, 5(1), 117–134. DOI: 10.17323/usp512020117-134 (in Russian).
- Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. (2015). *Migratsiya i rynek truda* [Migration and the Labor Market]. Moscow: ID “Delo” RANKhiGS.
- Haslam McKenzie F.M. (2016a). Long-Distance Commuting in Australia. In: Haslam McKenzie F. (Eds.). *Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry*. Singapore: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-2018-6_1
- Haslam McKenzie F.M. (2016b). The Socio-economic impacts of long-distance commuting on people and communities. In: Haslam McKenzie F. (Eds.). *Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry*. Singapore: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-2018-6_2

- Hoath A., Haslam McKenzie F.M. (2013). *The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities*. Perth: Co-operative Research Centre for Remote Economic Participation and Curtin Graduate School of Business.
- Jones C., Southcott C. (2015). Mobile miners: Work, home, and hazards in Yukon's mining industry. *The Northern Review*, 41, 111–137. DOI: <https://doi.org/10.22584/nr41.2015.005>
- Khilazheva G.F. (2021). Modern family in the context of translocal migration. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve=Woman in Russian Society*, 1, 68–82. DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.6 (in Russian).
- Kholodilova K.A. (2008). The quality of life in the conditions of shift work in the Far North (case study of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta rabotnikov nefte dobychi pri vakhtovoi organizatsii truda v Zapolyar'e*, 5, 96–102 (in Russian).
- Kirilova M.K. (2016). Labor supply and economic activity reserves of the Irkutsk Oblast population. *Region: ekonomika i sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 1(89), 182–208 (in Russian).
- Leksin V.N. (2021). New otkhodnichestvo and shift labor organization in the processes of depopulate on and settlement of territories. *Region: ekonomika i sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 3(111), 133–153. DOI: 10.15372/REG20210306 (in Russian).
- Loginov V.G. (2021). Rotation system as the basis source of workforce for the development of oil and gas resources of the arctic polar regions. *Izvestiya Ural'skogo gos. gornogo un-ta=News of the Ural State Mining University*, 2(62), 191–201 (in Russian).
- Nuykina E.V. (2013). Influence of long-distance commute work (LDC) on receiving towns in the Russian north: Case study of Vorkuta. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, 2(14), 107–116 (in Russian).
- Plyusnin Yu.M. (2012). Otkhodnichestvo in modern Russia. *Otechestvennye zapiski*, 5(50), 240–256 (in Russian).
- Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013). *Otkhodniki: monografiya* [Otkhodniki: Monograph]. Moscow: Novyi Khronograf.
- Ryazantsev S.V. (2014). New forms of temporary emigration from Russia. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii=Science. Innovations. Technologies*, 2, 81–93 (in Russian).
- Shevtsova E.V. (2018). Temporary migration of the population in the municipal districts of the Novosibirsk Oblast: Trends, causes and consequences. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 3, 200–213 (in Russian).
- Silin A.N. (2015). Sociological aspects of rotational employment in the Northern territories of Western Siberia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 4(40), 109–123. DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.7 (in Russian).
- Sokolova A.A. (2022). Return labor migration in Russia: Scale and trends. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 10(2). DOI: 10.15838/tdi.2022.2.62.9. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/29489> (in Russian).
- Sokolova A.A. (2023). Scale of commuting in Russian regions. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(4), 52–70. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.4 (in Russian).
- Sokolova A.A., Kalachikova O.N. (2023). Modern otkhodnichestvo: Analysis of territorial specifics according to the Russian Population Census. In: *Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k global'nym sotsial'no-ekonomicheskim vyzovam: sb. nauch. st.* [Demographic Factors of Population Adaptation to Global Socio-Economic Challenges: Collection of Scientific Articles.]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN. DOI: 10.17059/udf-2023-3-7 (in Russian).
- Storey K. (2010). Fly-in/fly-out: Implications for community sustainability. *Sustainability*, 2, 1161–1181. DOI: 10.3390/su2051161
- Turakaev M.S. (2016). Seasonal migrant labor and reproduction of the social and cultural practices in the Russian region: The case of the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Sotsiologiya=Vestnik of Saint Petersburg University*, 1, 35–47. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.10435 (in Russian).

Turakaev M.S., Baimurzina G.R. (2022). A fly-in fly-out work through the eyes of temporary labor migrants from Bashkortostan. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(6), 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7 (in Russian).

Zhidkevich N.N. (2017). Today's migration in the north and south of European Russia. *Krest'yanovedenie*, 2(3), 97–107. DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-97-107 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra V. Korolenko – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru)